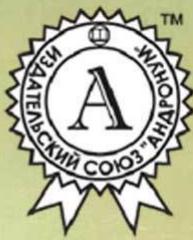

Анастасия Борзенко

МЕЧТА МЕЧТЫ

Анастасия Борзенко

Мечта мечты

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Борзенко А.

Мечта мечты / А. Борзенко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Когда мужчина встречает женщину и влюбляется в нее, очень важно, осознает ли он сам, что именно полюбил. Саму женщину или свои мечты о ней. И есть ли шанс все изменить, даже если уже непозволительно поздно и большая часть жизни пройдена? И что случится, если мечты тоже умеют мечтать?

© Борзенко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анастасия Борзенко

Мечта мечты

Глава 1

«Ее рука была бела и некрасива. Она водила пальцем по стеклу электрички, словно была зима, и оставались отпечатки на грязном, тронутом морозом окне. Я долго смотрел на Нее, прежде чем решился спросить, что Она рисует. Она нервно вздрогнула, посмотрела на меня своими неприлично большими серыми глазами, и ответила:

– Бесконечность. Ее не видно, но она во всем. Не находите?

На мгновение показалось, что Она душевнобольная. Самая женственная из всех, что приходилось видеть. Женщина звонко рассмеялась, обнажила свои прекрасные белые зубы без какого-либо стеснения, будто бы ей было все равно на людей вокруг.

– Простите. Я пошутила.

Улыбка… Никогда больше (никогда раньше!) не видел подобных улыбок. Мне безумно захотелось Ее поцеловать. Вдруг она вскрикнула:

– Моя остановка, совсем вы меня отвлекли! Вы такой болтун!

Честно говоря, в тот момент я совершенно потерялся – не успел спросить ее имени или пригласить на свидание… Но почувствовал твердую уверенность в том, что мы еще обязательно встретимся.»

– Федор Петрович, время идти ко сну.

Пожилой человек в хорошо отглаженной фланелевой пижаме зло посмотрел на доктора, который вмешался в трепетный мир его интимных воспоминаний с юношеской бесцеремонностью. Его старый нос покраснел от негодования. Молодого человека также раздражали манеры старика, задевала категоричная отчужденность и презрение ко всему и всем. Доктор никогда не задавал Федору Петровичу вопросов и вдруг решил. Вышло тихое и неуклюжее:

– Пишете?

Федор Петрович вздрогнул. Вопроса он не ожидал. И счел его настолько дерзким, что решил, что ослышался. Ответа молодой человек не удостоился. Доктор решил не сдаваться:

– Пишете что-то про свою жизнь?

Старик побелел. Собрав в одно единое всю внутреннюю силу, которая еще в нем осталась, он тяжело облокотился на подлокотники инвалидного кресла и бросился на врача. Его сухие, но цепкие руки обхватили шею молодого человека. Его губы приблизились к уху, и, задыхаясь от негодования, он начал говорить шепотом, но сорвался на крик.

– Вы называете это чем то, молодой человек? Вы не смеете чернить то, о чем не имеете ни малейшего представления. Вы никогда не испытаете и не узнаете того, что известно мне. Ваши мелкие мозги и ничтожное сердечко не предназначены для Великих чувств. Всю жизнь проведете со стариками и не заметите, как сами состаритесь.

Тело колотила мелкая дрожь и он болезненно опустился на пол.

Доктор чувствовал, что должен помочь старику подняться, но не мог заставить себя. Вместо этого он сам закричал:

– Да, Федор Петрович, да! Я трачу свое время на таких как вы, пожилых людей, которые ни разу… ни разу!!! Человеческое спасибо мне не сказали. И ничего, кроме мыслей, искаженных временной паранойей, не видят. И не хотят видеть. Скажите, вы помните… Нет, помните, как меня зовут? – от волнения он повторял слова.

Старик лег на холодный кафель и вытянулся в полный рост. Тело приятно охватила холодная прохлада с легким запахом плесени и хлорки.

— Спасибо... За то, что бездарно растратываете свою жизнь на насекомых, подобных мне. Потом и вспомнить нечего будет, и вы умрете, не оставив после себя ничего. Никакой истории, молодой человек.

Доктор едва мог унять дрожь, его колотило, будто в ознобе. Он налил воды из графина и жадно осушил стакан.

— Знаете, Федор Петрович, Вы правы, мне нечего будет написать своим потомкам кроме как воспоминаний о пожилых людях, с которыми я здесь уже двенадцать лет, но, я живу этим. Живу сейчас, в данную секунду... А, вы, Федор Петрович, не знаете и никогда не знали, что это слово значит. Мне горько говорить это, но сомневаюсь, что узнаете. Времени может не хватить...

Старик засмеялся. Сухим и неприятным смехом. Скрипучим смехом. Маленькими иглами, впивающимися в мозг.

«Я увидел ее снова. Нет... Она увидела меня. Глупее места для встречи нельзя было придумать: странное сочетание весеннего солнца, запаха живой листвы и вони человеческих отходов. Да, это произошло на месте слива помоев... Но, может, в этом и была своя фатальная прелест – рождение чего-то большого и, наверное, самого прекрасного из всего, что только может быть в человеке, из грязи, оставленной им же?»

— Люблю оранжевый цвет, – сказала Она.

Я вспомнил нашу первую встречу, когда принял Ее за помешанную, и не придумал ничего лучше, как улыбнуться со всей глупостью в лице. На которую только был способен.

— Цвет вашего ведра, – пояснила. — Оно такое... Оранжевое.

Спустя четверть часа мы сидели возле окна в заведении, каких тысячи в городе и ни одного в своем роде. Потому что рядом сидела она, только в нем. Ее звали Лида. В тот момент я явно осознал, что сижу напротив очень красивой женщины, НА САМОМ ДЕЛЕ. Сама же Лида забавлялась.

— Знаете, есть такой мультфильм: «Простоквашино»?

Я улыбнулся.

— Все знают этот мультфильм. Напоминаю вам «Дядю Федора»?

— Не уверена, – рассмеялась, – Только не обижайтесь, скорее Шарика. Вы такой худенький...

«Худенький» – Она сказала это так, будто произнесла «Вы, такой скелет». Поднесла чашку с кофе к губам и, не отпив, поставила. Что – то мешало Ей расслабиться. Внешне поразительно спокойная, но нервозность сквозила в каждом действии. Беспокойство, в котором я был уверен (да, да, я считал, не допуская и тени от тени сомнения, что заставляю Лиду нервничать) придало мне внутренней силы в тот момент. Может, мне хотелось, чтобы Она нервничала? Может, казалось, что должна...

— Не принимайте близко к сердцу мои слова. Я неудачно пошутила.

Она снова взяла в руки чашку. На этот раз обхватила ее ладонями крепко. Словно Ей было холодно. Поставила... Окунула ложечку в солонку. Возникло ощущение, что Она не здесь, со мной, а где – то. Она говорила, не поднимая глаз. Я все ждал, когда Она прикоснется ко мне взглядом. Но боялся этого, в то же время. Такое непонятное внутреннее состояние овладело мной...

— Я очень давно нигде не была... Особенно приятно оказаться в маленьком незнакомом месте с незнакомым человеком, которому можно сказать обо всем, что взбредет в голову. Не боясь никакого субъективизма.

Лида улыбнулась, и мне стало не по себе от ее улыбки.

– У вас неприятности?

Подняла глаза. Ее взгляд... В ту секунду я понял, сколько можно узнать из одного только взгляда. Бывает этап в жизни человека, когда он презирает сам себя, за свои глупости, не оправданные ничем. За свои слабости. За себя такого, какой он есть. Каким себя ощущает.

– Расскажите мне.

Лида посмотрела на меня так, словно ничего не говорила только что...

– О чем?

Странная женщина. Я старался выглядеть серьезным.

– О ваших неприятностях?

На ее губах появилась улыбка. Улыбка разочарования. Во мне. Естественно.

– Лида, Вы сказали, что с незнакомым человеком говорить проще. Никакого личного отношения к сказанному, – мой голос приобрел глупое срывающееся звучание.

Она мешала и мешала ложечкой соль в солонке, что очень действовало на мои нервы. Поймала длинными ресницами мой взгляд и, словно очнувшись от забытья, положила ложку на стол. Странная Она. Обращалась ко мне, а взгляд блуждал в пространстве. Помню, испугался в какой-то момент, что у Нее дефект зрения...

Лида посмотрела на ложечку, но, вспомнив, мой взгляд, не стала ее брать. Она окунула в солонку свои ПАЛЬЦЫ. И стала водить указательным по внутренней стороне солонки. Я едва не задохнулся. Так чувственno у Нее получилось...

– Лида, воспринимайте меня как человека, который может быть вашим другом. Тогда никакого страха перед будущим не возникнет, – эти слова я произнес помимо воли.

В мгновение Она сделала то, чего я просто не мог ожидать. Она дотронулась рукой до моей щеки. Своей белой, некрасивой рукой. Провела теплой ладошкой по щеке...

– Я не знаю, кем вы для меня можете стать...

– Кем становятся вам мужчины? – боже, как нелепо дрожал мой голос.

– Друзьями. Любовниками. А для вас?

Не сразу понял, Она принимает меня за...? Посмотрела мне в глаза. Изучающе резко...

– Только прошу, не спрашивайте, «Вы, что, принимаете меня за...»?

– Замолчите! – не знаю, почему позволил себе повысить голос.

Она рассмеялась. Очень нехорошо.

– Боже, мой, а я подумала, что ты нормальный..., – задумалась на мгновение и произнесла медленно с досадной улыбкой: – У кого еще может быть оранжевое ведро...

В ту секунду мне на голову как будто упал с неба ком холодного снега. Настолько холодного, что кожу обожгло. Я не успел ничего подумать, нет, не подумать, сказать в ответ, как Она поднялась из-за столика и направилась к выходу.

Не знаю, зачем я так себя повел... Понял, что, если Она сейчас уйдет, я Ее больше никогда не увижу, и всю оставшуюся жизнь буду изводить себя за глупость того момента. Еще мне не понравилось, что Она с полной серьезностью приняла меня за того, кем я не являюсь.

Я поймал Ее за руку. Ничего особенного не почувствовал, прикоснувшись к Ней...

– Вы правда думаете, что имеете полное право так легко оскорбить человека и потом просто подняться и уйти?

Ей больше всего хотелось уйти, но Она остановилась и повернулась в мою сторону. Слегка повернула голову, вернее будет сказать, в мою сторону.

– Я признаю, что обманулась в вас, но это только моя ошибка. Извините, может, я слишком экспрессивно отреагировала?

– Экспрессивно, субъективизм... Вы можете говорить нормальными словами? Не этими шаблонами из энциклопедического словаря?

Она с трудом подавила скептическую улыбку.

– Энциклопедического. Сложное слово. Я понимаю.

Вдруг мне стало спокойно до головокружения. Мне расхотелось с Ней говорить. Трудности. Я настолько отвык от трудностей в личной жизни, точнее сказать, у меня так давно не было никакой личной жизни, что совершенно не хотелось бередить когда-то жившую во мне чувственность. Я повернулся и пошел к выходу. Уходил от возможности, которую многие ищут всю жизнь, но внутренний страх перед ощущением чего-то нового не отступил даже перед моей колоссальной мнимостью. Я уходил, где-то в глубине души гордился собой за нестигающий дух. Я уходил! Но через несколько секунд мне пришлось вернуться назад...»

Глава 2

Шел дождь. Была тишина. Федор Петрович находился возле большого ободранного окна и впитывал в себя атмосферу уныния. Один... Ему не хотелось садиться за круглый стол к остальным, сердце его было переполнено страдальческой тоской. О чем-то давно имевшем место быть, и почти забытым, оставившим в его памяти только след. Который он никак не позволял стирать своей стремительно наступившей старости...

– В преферанс, Федор?

Федор Петрович поморщился. Так, что морщины заныли от боли.

– Не играю.

– Почему?

– Потому что в карты играют только дураки. Оставь меня в покое.

Федор Петрович появился в Доме около двух лет назад, и с той самой минуты никто не слышал от него ни одного доброго слова. Он не рассказывал о своей жизни. Все решили, просто не о чем... Недосказанность имеет только одно воплощение – «ничто». О чем не сказано – того нет. Ни у кого не возникает вопроса при осознании отсутствия у ближнего своего чего – либо, говорилось ли об этом? Подчас создается впечатление, что нет людей, лишенных. Много людей, не желающих говорить.

Фамилия этого угрюмого человека была Гопплин. Однажды он сказал, что его предки были немцами, но если злые гоблины и жили на самом деле, то именно они дали корни его роду. Каждый день он останавливался возле окна. Если не светило теплое солнце. И писал. Никому не говорил, о чем пишет. Рукописи прятал...

У Федора Петровича не возникало мыслей, что никто не воспринимает его и его занятие всерьез. Или, было известно, только напустил на себя ауру агрессии, которая являлась болезненными комплексами одинокого человека.

Это утро было наполнено некоторым оживлением. Беспокойным и раздражающим. Жители дома восторженно ахали, Федор Петрович не хотел поворачивать головы. Знал, что в очередной раз принесли очередное мертвое дерево.

Праздник мертвых. Так называл новый год, почти мертвые люди и мертвое дерево.

Все будет как обычно: разговоры о прошлом, воспоминания, никому не нужная пустая ностальгия... Мертвая... Он тяжело вздохнул и развернулся к коляске, чтобы вернуться в свою комнату. К ногам подкатился стеклянный золотой орех.

Молодой доктор смотрел на старика, прислонившись к холодной стене. Федор Петрович не мог не заметить, что молодой человек наблюдает за ним более пристально, чем за остальными.

– Орех на счастье, Федор Петрович.

– Дерево должно быть живым, доктор. Где есть праздник, не должно быть ощущения смерти.

– Федор Петрович у нас умирать собрался? – Филипп всегда говорил, когда имел возможность сказать. Молодой душой и словами, старался держать в Доме веселую атмосферу, и помогал в этом другим. По отчеству его не называл никто. Кроме Федора Петровича, разумеется.

– Нет, такой радости я вам не доставлю, Филипп Исакиевич. Где ваши картонные уши? Дождь подмочил? Или в этом году вы решились играть роль лисы, вижу, волосы покрасили?

Филипп устало зевнул, Федор Петрович не умел быть оригинальным.

– Не обижаюсь на людей, которые не любят никого, дорогой. Мне их жаль премного. А волосы я перекрасил, да. Старости своей не боюсь, как вы, и в любое время смерти могу показать...

Филипп изобразил неприличный жест. Федор Петрович рассмеялся неискренне. «Когда ты умрешь, все припомнят этот момент и подумают, какой все – таки он был жизнерадостный, **НАШ БЕДНЫЙ ФИЛИПП...**».

Доктор похлопал Филиппа по плечу.

– Полно Вам, тем более сегодня. До полночи все напишут желания, спрячут их в золотые орехи и положат в корзину под елкой, Так что, Федор Петрович…

Старик в инвалидном кресле громко рассмеялся:

– Дайте, угадаю, после боя курантов все будут брать орешки, торжественно зачитывать желания, и они обязательно исполняются!

– Не вижу повода для иронии, Федор Петрович. Это очень хороший и приятный ритуал. Может, на этот раз… Думаю, даже вы о чем – то мечтаете, – последнюю фразу доктор произнес помимо воли и успел пожалеть об этом.

Старик поморщился, почему этот молодой человек никак не хочет оставить его в покое? Что-то он бледен сегодня.

– Если бы мне было десять, я бы и согласился. Вы неважно выглядите, Андрей Сергеевич, поспите перед торжеством. Доктор устало улыбнулся. Его назвали по имени. Федор Петрович назвал его по имени. Сам старик был героически доволен собой, такой красивый жест, сделать человеку приятное. Даже если и осознанно…

«В последние годы часто задумываюсь, насколько все это все же было наивно, – мои мысли о Ней, мои чувства к Ней… Сейчас я понимаю, что идеализировал эту женщину. Она была возможностью жить в окружающей меня серости. Она была любовью всей моей жизни. Но я ничего о Ней не знал…

Кем я был для Нее? Очередным поклонником Ее красоты и женственности, оригинального ума, беспечности, и в то же время, pragmatизма. Я хотел и не хотел быть с Ней. Она сама не знала, чего хочет.

У меня был друг. Семен. Человек, которого я любил больше за время, что мы были вместе в качестве друзей. Как это неприятно, любить больше время, подаренное человеком, чем самого человека. На тот период, когда я познакомился с Ней, мы с Семеном вели себя как друзья. Собирались и вспоминали наше общее прошлое. Никаких разговоров о поэзии и жизни. Каждый из нас чувствовал, что потеряно важное, но, конечно, не хотелось в этом признаваться в первую очередь самим себе.

Это был довольно странный человек, но нестерпимо обаятельный для женщин. Вампир обаяния.

В тот первый день, когда я собирался уйти от Нее и больше никогда не вернуться, именно он и вмешался. Настроенный достаточно категорично, но, подсознательно лихорадочно цепляясь за любую возможность остаться, я был в глубине души рад, когда увидел Семена. Мне было необходимо найти объяснение моего нахождения в том заведении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.